

различным формам дискриминации, наличием механизмов (организационных, институциональных, нормативных, правовых, культурных и социальных) взаимодействия, адаптации или ассимиляции. Разные страны формируют разные модели политики мультикультурализма в зависимости от конкретно-исторических условий и обстоятельств (различные типы миграции, развитие диаспор, демографические факторы, ментальные барьеры и культурные традиции и стереотипы, социально-экономические условия, географический фактор).

Соответственно, выделяют, например, канадскую модель мультикультурализма («интеграция без ассимиляции» или «мозаичная»), мультикультурную модель Европы (взаимодействия коренной культуры и культуры иммигрантов), российская модель (геополитическая), американская (полиэтническая, эклектическая) и др. Следует отметить, что увеличение миграционных потоков в последние десятилетия в страны Запада, вследствие кризисных явлений в экономике, социально-политической сфере, военно-политических конфликтов культурного, религиозного или территориального характера породили дискуссии о крахе мультикультурализма, а также признание лидерами ведущих стран Европы несостоятельности их мультикультурной политики. Причиной этому послужило устойчивое мнение европейцев о связи роста преступности с иммигрантами, исповедующими ислам и, как результат, – стремительный рост поддержки крайних правых политических партий, выступающих за «Европу – для европейцев».

Однако, в условиях глобализации как процесса интеграции и унификации, и в то же время развития постмодерного общества, как общества фрагментарного, состоящего из множества идентичностей, отражающих культурное многообразие, альтернативы мультикультурализму нет. Поэтому на повестке дня – разработка эффективных механизмов диалога культур.

ПРОБЛЕМА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ИНТЕРКУЛЬТУРНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

Продан Т. П. (Львов, Украина)

Современный дискурс прав человека связан рядом факторов присущих исключительно второй половине XX ст. Глобальное информационное пространство с одной стороны расширяет сознание конкретного человека, создает условия для интеркультурного диалога, с другой стороны бросает человека в пучину сумасшедшего потока информации, искажая реальность, посредством репортерского объектива. Статус традиционных ценностей, взаимоотношения между государством и гражданином обретают новые формы и значения. Все острее ощущается проблема согласования принципов универсализма и самобытности каждым конкретным человеком. Сознание человека становится целью и одновременно мишенью в условиях

информационной войны, террористических атак и борьбе за энергетические ресурсы. Идея прав человека, его достоинство и свобода стали инструментами манипуляции в геополитической гонке за влияние.

Давая определение постиндустриальной информационной эпохе в состоянии постмодерна, Ж.-Ф. Лиотар указал на новую перспективу и значение знания, которое перестало быть самоцелью, но становится самой значимой ставкой в мировой борьбе за власть. «Также как национальные государства боролись за освоение территорий, а затем за распоряжение и эксплуатацию сырьевых ресурсов и дешевой рабочей силы, надо полагать, они будут бороться в будущем за освоение информации» [1, с. 20]. Современные информационные войны передовых мировых каналов тому доказательства. В информационную эпоху жесткое давление заменила гибкая манипуляция взглядами СМИ, которые в качестве информационного ресурса становятся новым видом оружия, поражая не тело, но сознание.

Отказываясь от идеологических, иерархических систем с утвержденной системой ценностей и моральными ориентирами, человек в современном мире сталкивается с вызовом – быть ответственным и решительным в собственных действиях без ссылки на авторитеты, которые в современной культуре отсутствуют. Для одних – свобода выбора, сама возможность выбора – это благо и условие существования, для других – это ловушка, утрата ориентиров для поиска своего места в обществе. Утверждение Ж.П. Сартра, что человек сначала существует, а потом определяется, становится непосильной ношей для большинства людей. Поэтому для человека, как никогда, актуален вопрос идентичности. В мире «великих систем», центральная власть регламентировала стандарты, согласно которым происходила самоидентификация. Идентичность задавалась человеку снаружи, со стороны централизованного государства. Постмодерн откинул какие-либо культурные и морально-этические стандарты, сломал централизованный стержень. Человек оказался наедине в поисках собственной идентичности, в состоянии неопределенности и постоянной динамике.

Отметим, что люди сознательно отказываются принимать участие в общественной жизни. Ч. Тейлор называет «три болезни» современного общества: потеря смысла и нивелирование моральных горизонтов, инструментальное мышление, потеря свободы [2, с. 7–14]. Индивидуализм, как обратная сторона демократии, концентрируясь на личной жизни, приводит к утрате сопричастности с обществом. Инструментальное мышление и «расколдовывание» мира причастны к утрате обществом сакральной структуры, которая воплощается или определенным порядком вещей, или волей Бога. Инструментальное мышление как определенный тип рациональности приводит к тому, что успех измеряется эффективностью, самым лучшим соотношением между расходами и результатом. При этом люди теряют свое значение в цепочке бытия, становятся инструментами или сырьем. Третья болезнь согласно Ч. Тейлору является следствием двух первых – индивидуализма и инструментального мышления. Это может стать

угрозой новой формы деспотизма. Оставаясь один на один с бюрократическим государственным аппаратом, гражданин не способен существенно повлиять на процесс, или достичь исполнения своих требований, или учета его мнения. По словам Ч. Тейлора, под угрозу попадает наше достоинство как граждан [2, с. 14]. Цель, которую преследовали интеллектуалы эпохи Просвещения, свободно распоряжаться собственным умом и волей, и которая воплотилась только во второй половине XX ст., оказалась не под силу широким массам. Особенно остро это ощущимо на постсоветском пространстве.

Национальные государства, возникшие после распада СССР, столкнулись с проблемой – каким образом развивать национальную политику внутри государства, когда гражданами являются представители не только одного этноса. Нация на постсоветском пространстве это скорее гражданский союз, чем этническое сообщество. Универсализм, воплощенный в понятии «гражданин» и культурное разнообразие внутри государств, которые являются правовыми скорее по декларации, чем по факту, становятся почвой для межгосударственных конфликтов. Такие конфликты ведутся под прикрытием гуманных целей – свободы и прав человека, нарушая при этом законы международного права, применяя антигуманные способы их разрешения. В этом контексте возрастает роль гражданского общества как медиатора между волеизъявлением граждан и государством как единственно легитимным обладателем силы принуждения. Когда диалог не происходит, тогда моральное обоснование требования становится более веским аргументом, чем позитивный закон государственного права, со всеми вытекающими последствиями.

Анализируя глобализацию как историческую трансформацию в контексте политико-экономических систем, У. Бек отмечает уменьшение роли национальных государств, в то время как сверхнациональные образования и мировая общественность обретают больший авторитет и становятся полноправными «актерами» на мировой арене [3, с. 38]. Глобальное гражданское общество, в качестве нового актора, ведет собственную метаигру – обеспечение прав человека. С одной стороны субъекты, чьи права нарушаются в собственной стране, имеют возможность донести это мировой общественности воплощенной в негосударственных организациях. С другой стороны, глобальная политика обеспечения прав человека легитимизирует вмешательство во внутренние дела государства и появление «военного гуманизма» [3, с. 114–115]. Главной причиной военного вмешательства не угроза собственной стране, а угроза гражданскому населению в другой стране и угроза мира во всем мире. Глобальная политика прав человека провоцирует столкновение цивилизаций, поскольку становится моральным обоснованием священной миссии войны. Создается внутреннее противоречие, ради утверждения и распространения принципа прав человека в глобальном пространстве, права человека становятся инструментом глобальной политики, а сама идея прав человека морально нивелируется.

Универсализм идеи прав человека часто поддается сомнению в контексте взаимодействия разных культур. В данном случае права человека воспринимаются как феномен исключительно западной цивилизации, и рассматривается критиками как способ продолжения политики культурного империализма или угроза культурной самобытности. Уместно упомянуть мнение О. Гьоффе, в качестве ответа на подобную критику, что проблема не в культурном империализме или культурной агрессии, а отождествлении универсальности с униформностью. Философ акцентирует внимание на том, что права человека по своей сути предназначены для интеркультурного диалога, поскольку не ограничиваются полом, расой, происхождением и т.д. Угроза «культурного империализма» не со стороны универсальных правовых принципов, а скорее в экспорте моделей поведения, продиктованных обществом потребления [4, с. 48]. Когда утверждается универсализм прав человека, речь идет не о том, что конкретное содержание какого либо права является универсальным для всех, а про универсальность как принцип. Универсальность как принцип означает уважение выбора другого, при условии, что выбор был совершен самостоятельно, без внешнего вмешательства.

Дискуссия про права человека в контексте культурного релятивизма должна проходить с позиции смысла этой дискуссии. Главный вопрос заключается в том, ради чего ведется дискуссия, какая ее цель. Ответом является гуманитарная цель сохранения мира. Такая дискуссия должна принимать форму диалога, а не поучения и насильственного принуждения. Любое толкование концепта прав человека как единственно возможного в контексте межкультурного взаимодействия не имеет ничего общего с универсальным принципом прав человека. В таком случае речь идет не об отстаивании прав человека, а об идеологическом манипулировании идеи прав человека.

Литература и источники

1. Лиотар, Ж.Ф. Состояние постмодерна. – М.; СПб, 1988.
2. Тейлор, Ч. Етика автентичності. – К., 2013.
3. Бек, У. Влада і контрвлада у добу глобалізації. – К., 2011.
4. Гьоффе, О. Розум и право. Складові інтеркультурного правового дискурсу. – К., 2003.

ИНКУЛЬТУРАЦИЯ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ПАРАДИГМЕ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ

Рудёнок З. Г., Струнина Н. Н. (Полоцк, Беларусь)

Определяя место современного человека в информационном поле, нельзя не обратиться к проблеме культурной антропологии, в частности, к взаимоотношениям индивида и культуры. Эта проблема также актуальна и для психологии. Эту взаимосвязь мы можем проследить через конструкт

This document has been
edited with Infix PDF Editor
- free for non-commercial use.

To remove this notice, visit:
www.iceni.com/unlock.htm